

А.С. Пушкин

ПОЭЗИЯ.
ВСЕ
В ОДНОЙ
КНИГЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
П91

*В оформлении обложки использована
картина Тропинина В. А. «Пушкин Александр Сергеевич», 1827*

Пушкин, Александр Сергеевич.
П91 Поэзия. Все в одной книге / Александр Пушкин. —
Москва: Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Вся ли-
рика).

ISBN 978-5-17-188091-0

Стихи Александра Сергеевича Пушкина по праву явля-
ются настоящими шедеврами русской литературы! В этом
сборнике наиболее полно представлены произведения, за-
трагивающие самые сокровенные струны нашей души.
Здесь и любовь, и высокие понятия чести и долга, и друж-
ба, и образы близких людей, и чарующая красотой природа.
С юмором, восхищением, злостью, желанием, тоской, стра-
стью и печалью! Многие строки знакомы еще со школьной
скамьи, но найдутся и те, что откроются впервые.

**УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5**

ISBN 978-5-17-188091-0

© Всероссийский музей
А. С. Пушкина, 2026
© Издательство АСТ, 2026

СТИХОТВОРЕНИЯ

1813

К Наталье

*Pourquoi craindrais-je de le dire?
C'est Margot qui fixe mon goût.**

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь — и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женской пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольность — всё под лавку

---

* К чему скрывать мне это?
Марго мне приглянулась. (франц.)

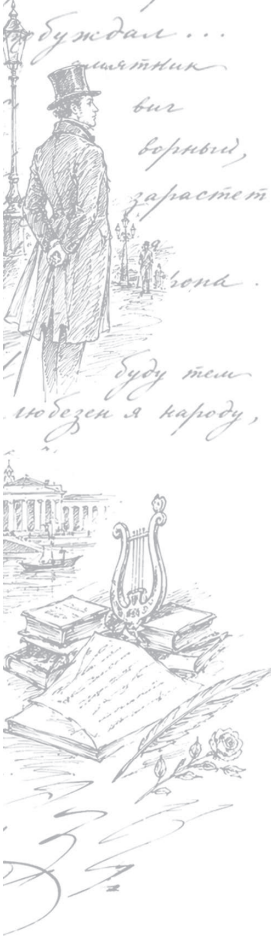
Как матер
словесност
поддаёт
преднаказ
мне дух
трудни
теснящи

Что глупства
добрыя я миром
предбуждал...

и не зарастет
водная
в тронах.
долго буду тем
любезен я народу,
губства
быне я мирой
буждал...
мечтаник
вил
борный,
зарастет
бона.
буду тем
любезен я народу,

Из Катонов я в отставку,
И теперь я — Селадон!
Миловидной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон!

Так, Наталья! признаюсь,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я;
Ночь придет — и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтанье,
Вижу, в легком одеянье,
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмивший белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи —
Дух в восторг приводят мой!..
Я один в беседке с нею,
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею...
И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Испускаю вздох глубокой,
Сон ленивый, томноокой
Отлетает на крылах.
Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею всякий час.
Всё к чему то ум стремится,
А к чему? — никто из нас
Дамам в слух того не скажет,
А уж так и сяк размажет.
Я — по свойски объяснюсь.

Все любовники желают
 И того, чего не знают;
 Это свойство их — дивлюсь!
 Завернувшись балахоном,
 С хватской шапкой набекрень
 Я желал бы Филимоном
 Под вечер, как всюду тень,
 Взяв Анюты нежну руку,
 Изъяснять любовну муку,
 Говорить: она моя!
 Я желал бы, чтоб Назорой
 Ты старалась меня
 Удержать умильным взором.
 Иль седым Опекуном
 Легкой, миленькой Розины,
 Старым пасынком судьбины,
 В епанче и с париком,
 Дерзкой пламенной рукою
 Белоснежну, полную грудь...
 Я желал бы... да ногою
 Моря не перешагнуть.
 И, хоть по уши влюбленный,
 Но с тобою разлученный,
 Всей надежды я лишен.

Но, Наталья! ты не знаешь,
 Кто твой нежный Селадон,
 Ты еще не понимаешь,
 Отчего не смеет он
 И надеяться? — Наталья!
 Выслушай еще меня:

Не владетель я Серала,
 Не арап, не турок я.
 За учтвого китайца,
 Грубого американца,
 Почитать меня нельзя,
 Не представь и немчурою,

*Как матер
 словесност
 поддает
 преднаказ
 мне дух
 трудни
 теснящи*

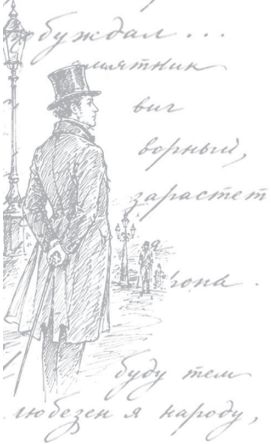

*Что глупства
 добрые я миром
 пробуждал...*

*Я
 себе
 не
 К нац
 нар
 Ал до
 а мо
 Что в
 добр*

и не зарастет
водная
тронд.
долго буду тем
любезен я народу,
губства
ныне я мирой
буждал...
милотник
вил
верный,
зарастет
гонд.
буду тем
любезен я народу,

С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитой,
И с цыгаркою в зубах.
Не представь кавалергарда
В каске, с длинным палашом.
Не люблю я бранный гром:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

— Кто же ты, болтун влюбленный? —
Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна загражденны,
На лампы там зажженны...
Знай, Наталья! — я... монах!

Монах

Песнь первая

СВЯТОЙ МОНАХ, ГРЕХОПАДЕНИЕ, ЮБКА

Хочу воспеть, как дух нечистый ада
Оседлан был брадатый стариком;
Как овладел он черным клобуком,
Как он втолкнул Монаха грешных в стадо.

Певец любви, фернейской старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь.
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь,
Где кисть твоя, скажи, ужели ввек
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнаса,

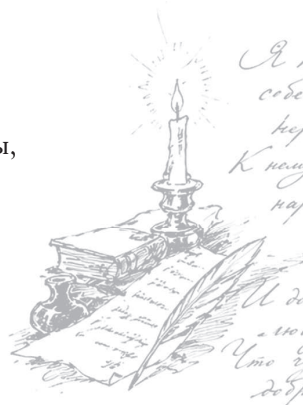
Я не хочу седлать коня Пегаса,
 Я не хочу из муз наделать дам,
 Но дай лишь мне твою златую лиру,
 Я буду с ней всему известен миру.
 Ты хмуришься и говоришь: не дам.
 А ты поэт, проклятый Аполлоном,
 Испачкавший простенки кабаков,
 Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
 Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
 С усмешкою даешь ты мне скрипицу,
 Сулишь вино и музу пол-девицу:
 «Последуй лишь примеру моему».
 Нет, нет, Барков! скрипицы не возьму,
 Я стану петь, что в голову придется,
 Пусть как-нибудь стих за стихом польется.

Не в далеке от тех прекрасных мест,
 Где дерзостный восстал Иван-великой,
 На голове златой носящий крест,
 В глуши лесов, в пустыне мрачной, дикой,
 Был монастырь; в глухих его стенах
 Под старость лет один седой Монах
 Святым житьем, молитвами спасался
 И дней к концу спокойно приближался.
 Наш труженик не слишком был богат,
 За пышность он не мог попасться в ад.
 Имел кота, имел псалтирь и четки,
 Клубок, стихарь да штоф зеленой водки.
 Взошедши в дом, где мирно жил Монах,
 Не золота увидели б вы горы,
 Не мрамор там прельстил бы ваши взоры,
 Там не висел Рафаель на стенах.
 Увидели б вы стул об трех ногах,
 Да в уголку скамейка в пол-аршина,
 На коей спал и завтракал Монах.
 Там пуховик над лавкой не вздувался.
 Хотя монах, он в пухе не валялся
 Меж двух простынь на мягких тюфяках.

*Как матер
 словесност
 поддает
 предназнач
 мне дух
 трудни
 теснаниц*

*Что губитва
 добрие я мироу
 пребудам...*

*Я
 себе
 ну
 К на
 на
 Ал до
 а мо
 Что в
 до*

*и не зарастет
водная
брана.*

*долго буду тем
любезен я народу,
губства*

*быне я мирой
буждал...*

*визитник
вил
верный,
зарастет
брана.
буду тем
любезен я народу,*

Весь круглый год святой отец постился,
Весь божий день он в келье провождал,
«Помилуй мя» в полголоса читал,
Ел плотно, спал и всякой час молился.

А ты, Монах, мятежный езуит!
Красней теперь, коль ты краснеть умеешь,
Коль совести хоть капельку имеешь;
Красней и ты, богатый Кармелит,
И ты стыдись, Печерской Лавры житель,
Сердец и душ смиренный повелитель...
Но, лира! стой! — Далекo занесло
Уже меня противу рясок рвенье;
Бесить попов не наше ремесло.
Панкратий жил счастлив в уединенье,
Надеялся увидеть вскоре рай,
Но ни один земли безвестный край
Защитить нас от дьявола не может.
И в тех местах, где черный сатана
Под стражею от злости когти гложет,
Узнали вдруг, что разгорожена
К монастырям свободная дорога.
И вдруг толпой все черти поднялись,
По воздуху на крыльях понеслись —
Иной в Париж к плешивым картезианцам.
С копейками, с червонцами полез,
Тот в Ватикан к брюхатым италианцам
Бургонского и макарони нес;
Тот девкою с прелатом повалился,
Тот молодцом к монашенкам пустился.
И слышал я, что будто старый поп,
Одной ногой уже вступивший в гроб,
Двух молодых венчал перед налоем.
Черт прибежал Амуров с целым роем,
И вдруг дьячок на крылосе всхрапел,
Поп замолчал — на девицу глядел,
А девица на дьякона глядела.

У жениха кровь сильно закипела,
А бес всех их к себе же в ад повел.

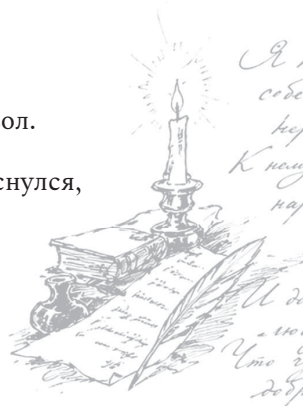
Уж темна ночь на небеса всходила,
Уж в городах утих вседневный шум,
Луна в окно Монаха осветила. —
В молитвенник весь устремивший ум,
Панкратий наш Николы пред иконой
Со вздохами земные клал поклоны. —
Пришел Молок (так дьявола зовут),
Панкратия под черной ряской скрылся.
Святой Монах молился уж, молился,
Вздыхал, вздыхал, а дьявол тут как тут.
Бьет час, Молок не хочет отцепиться,
Бьет два, бьет три — нечистый всё сидит.
«Уж будешь мой», — он сам с собой ворчит.
А наш старик уж перестал креститься,
На лавку сел, потер глаза, зевнул,
С молитвою три раза протянулся,
Зевнул опять, и... чуть-чуть не заснул.
Однако ж нет! Панкратий вдруг проснулся,
И снова бес Монаха соблазнять,
Чтоб усыпить, Боброва стал читать.
Монах скучал, Монах тому дивился.
Век не зевал, как богу он молился.
Но — нет уж сил; кресты, псалтирь, слова, —
Всё позабыл; седая голова,
Как яблоко, по груди покатилаь,
Со лбу рука в колени опустилась,
Молитвенник упал из рук под стол,
Святой вздремал, всхрапел, как старый вол.

Несчастный! спи... Панкратий вдруг проснулся,
Взад и вперед со страхом оглянулся,
Перекрестясь с постели он встает,
Глядит вокруг — светильня нагорела;
Чуть слабый свет вокруг себя лиет;
Что-то в углу как будто забелело.
Монах идет — что ж? юбку видит он.

Как матер
словесност
поддаётся
предназнач
мне дух
труднее
теснаниц

Что губитва
добрыя я мироу
пробуждаю...

Я себе
не
К на
нар

и не зарастет
водная
в тирона.
долго буду тем
побезен я народу,
губства
иные я мирой
буждал...
милитник
вил
верный,
зарастет
вона.
буду тем
побезен я народу,

«Что вижу я!.. или это только сон? —
Вскричал Монах, остолбенев, бледнея. —
Как! это что?...» — и, продолжать не смея,
Как вкопанный, пред белой юбкой стал,
Молчал, краснел, смущался, трепетал.

Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,
О юбка! речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо мое, любовь!

Люблю тебя, о юбка дорогая,
Когда меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчовый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан.
Что может быть тогда тебя милее?
И ты, вивась вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный бог
Покоится меж розой и лилеей.

Иль, как Филон, за Хлоей побезав,
Прижать ее в объятия стремится,
Зеленый куст тебя вдруг удержав...
Она должна, стыдясь, остановиться.
Но поздно всё, Филон, ее догнав,
С ней на траву душистую валится
И пламенна, дрожащая рука
Счастливого любовью пастуха
Тебя за край тихонько поднимает...
Она ему взор томный ослабляет,
И он... но нет; не смею продолжать.
Я трепещу, и сердце сильно бьется,
И, может быть, читатели, как знать?
И ваша кровь с стремленьем страсти льется.
Но наш Монах о юбке рассуждал
Не так, как я (я молод, не пострижен

И счастием нимало не обижен).
Он не был рад, что юбку увидал,
И в тот же час смекнул и догадался,
Что в когти он нечистого попался.

Песнь вторая

**ГОРЬКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ, СОН,
СПАСИТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ**

Покаместь ночь еще не удалилась,
Покаместь свет лила еще луна,
То юбка всё еще была видна.
Как скоро ж твердь зарею осветилась,
От взоров вдруг сокрылася она.

А наш Монах, увы, лишен покоя.
Уж он не спит, не гладит он кота,
Не помнит он церковного налоя,
Со всех сторон Панкратию беда.
«Как, — мыслит он, — когда и собачонки
В монастыре и духа нет моем,
Когда здесь ввек не видывал юбчонки,
Кто мог ее принести ко мне же в дом?
Уж мнится мне... прости, владыко, в том!
Уж нет ли здесь... страшусь сказать... девчонки».
Монах краснел и делать что не знал.
Во всех углах, под лавками искал.
Всё тщетно, нет, ни с чем старик остался,
Зато весь день, как бледна тень, таскался,
Не ел, не пил, покойно и не спал.

Проходит день, и вечер, наступая,
Зажег везде лампы и свечи.
Уже Монах, с главы клобук снимая,
Ложился спать. Но только что лучи
Луна с небес в окно его пустила
И юбку вдруг на лавке осветила,

*Как матер
словесност
поддаёт
преднаказ
мне дух
трудни
теснящи*

*Что губитва
добри я миро
пробуждал...*

*Я
собо
не
К на
нар*

и не зарастет
водная
и трона.
долго буду тем
любим в народе,
губства
и мирой
будедал...
и вы
верный,
зарастет
иона.
буду тем
любим в народе,

Зажмурился встревоженный Монах
И, чтоб не впасть кой-как во искушение,
Хотел уже на век лишиться зренья,
Лишь только бы на юбку не смотреть.
Старик, кряхтя, на бок перевернулся
И в простыню тепленько завернулся,
Сомкнул глаза, заснул и стал храпеть.

Тот час Молок вдруг в муху превратился
И полетел жужжать вокруг него.
Летал, летал, по комнате кружился
И на нос сел монаха моего.
Панкратья вновь он соблазнять пустился,
Монах храпит и чудный видит сон.

Казалось ему, что средь долины,
Между цветов, стоит под миртом он,
Вокруг него сатиров, фавнов сонм.
Иной, смеясь, льет в кубок пенны вины;
Зеленый плющ на черных волосах,
И виноград на голове висящий,
И легкий фирз, у ног его лежащий, —
Всё говорит, что вечно юный Вакх,
Веселья бог, сатира покровитель.
Другой, надув пастушечью свирель,
Поет любовь, и сердца повелитель
Одушевлял его веселу трель.
Под липами там пляшут хороводом
Толпы детей и юношей, и дев.
А далее, ветвей под темным сводом,
В густой тени развесистых дерев,
На ложе роз, любовью распаленны,
Чуть-чуть дыша, весельем истощенны,
Средь радостей и сладостных прохлад,
Обнявшись любовники лежат.

Монах на всё взирал смятенным оком.
То на стакан он взоры обращал,
То на девиц глядел чернец со вздохом,

Плешивый лоб с досадою чесал —
 Стоя, как пень, и рот в сажень разинув.
 И вдруг, в душе почувствовав кураж
 И набекрень, взъярясь, клобук надвинув,
 В зеленый лес, как белоусый паж,
 Как легкий конь, за девкою погнался.

Быстрее орла, быстрее звука лир
 Прелестница летела, как зефир.
 Но наш Монах Эол пред ней казался,
 Без отдыха за новой Дафной гнался.
 «Не дам, — ворчал, — я промаха в кольцо».
 Но леший вдруг, мелькнув из-за кусточка,
 Панкратья хватъ юбочною в лицо.
 И вдруг исчез приятный вид лесочка.
 Ручья, холмов и Нимф не видит он;
 Уж фавнов нет, вспорхнул и Купидон,
 И нет следа красоточки прелестной.
 Монах один в степи глухой, безвестной,
 Нахмуря взор; темнеет небосклон,
 Вдруг грянул гром, монаха поражает —
 Панкратий: «Ах!..», — и вдруг проснулся он.

Смущенный взор он всюду обращает:
 На небесах, как яхонты горя,
 Уже восток румянила заря.
 И юбки нет. Панкратий встал, умылся
 И, помолясь, он плакать сильно стал,
 Сел под окно и горько горевал.
 «Ах! — думал он, — почто ты прогневился?
 Чем виноват, владыко, пред тобой?
 Как грешником, вертит нечистый мной.
 Хочу не спать, хочу тебе молиться,
 Возьму псалтирь, а тут и юбка вдруг.
 Хочу вздремать и ночью сном забыться,
 Что ж снится мне? смущается мой дух.
 Услышь мое усердное моленье,
 Не дай мне впасть, господь, во искушенья!»

*Как матер
 словесност
 поддает
 преданнас
 мне дух
 трудни
 теснаниц*

*Что губитва
 добрие я мироу
 пробуждал...*

*Я
 себе
 ну
 К ну
 нар
 Ал до
 а мо
 Что в
 до*